

А. И. Любжин

ФПМИ НИУ «Московский физико-технический институт», Москва, Россия.
vultur@mail.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОВЕСТЯХ М. М. ХЕРАСКОВА «КАДМ И ГАРМОНИЯ» И «ПОЛИДОР, СЫН КАДМА И ГАРМОНИИ»¹

В статье рассматриваются два последних крупных прозаических произведения М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» с точки зрения влияния античной литературы. Автор неоднократно высказывает высокую оценку произведений античной словесности (прежде всего стихотворных эпосов); он весьма обильно цитирует их или сочиняет целые эпизоды под влиянием Овидия.

С концептуальной точки зрения метаморфозы у Овидия переосмысливаются Херасковым как наказание за грех, что позволяет ввести христианские ценностные установки под языческой одеждой. Важен — в связи с большой ролью, которую играет в повествовании Египет — и Апулей, из его «Метаморфоз» Херасков цитирует речь Изиды. Второе место занимает Вергилий. Концептуально важен уступающий ему по количеству цитат Гомер, откуда заимствуется идея путешествия. Херасков, упоминая Атлантиду, ссылается на Платона; по-видимому, для него актуальны и некоторые Цицероновские идеи. Общее количество реминисценций довольно значительно.

Ключевые слова: М. М. Херасков, рецепция античности, повесть, «Кадм и Гармония», «Полидор, сын Кадма и Гармонии», Овидий, Гомер, Вергилий, Платон, Цицерон, Апулей.

¹ Мы не рассматриваем повесть о Нуме Помпилии, поскольку она не содержит, на наш взгляд, значимых античных реминисценций, выходящих за очевидный круг источников о втором римском царе. В дальнейшем ссылки на «Кадм и Гармония» будут даваться в форме **К**, на повесть «Полидор» — **П**, с указанием тома римскими цифрами и страниц — арабскими. За рамками нашей работы останется и такой сюжет, как живописные изображения любовных походов богов; он требует отдельного исследования.

Alexey I. Lyubzhin

National Research University «Moscow Institute of Physics and Technology».
vultur@mail.ru

**Reminiscences of ancient literature in the novels of M. M. Kheraskov
*Cadmus and Harmonia and Polydor, son of Cadmus and Harmonia***

The article discusses the influence of ancient literature on the two last major prose works by M. M. Kheraskov, namely *Cadmus and Harmonia* and *Polydorus, the son of Cadmus and Harmonia*. The author repeatedly expresses his high appreciation of works of ancient literature (primarily poetic epics); he quotes them abundantly or composes whole episodes under the influence of Ovid.

From a conceptual standpoint, Ovid is crucial. The concept of metamorphosis is reinterpreted by Kheraskov as a punishment for sin, allowing the introduction of Christian values under pagan guise. Apuleius is also significant due to Egypt's prominent role in the narrative; Kheraskov quotes Isis's speech from Apuleius' *Metamorphoses*. Virgil holds the second position in importance. Conceptually, Homer, despite fewer citations, is vital as the source of the idea of a journey. When mentioning Atlantis, Kheraskov refers to Plato; evidently, certain Ciceronian ideas are relevant to him as well. The overall number of reminiscences is quite substantial.

Keywords: M. M. Kheraskov, reception of antiquity, novel, *Cadmus and Harmonia*, *Polydorus, son of Cadmus and Harmonia*, Ovid, Homer, Virgil, Plato, Cicero, Apuleius.

Повести М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор» — значимые события литературной жизни России конца XVIII в.²; эти произведения необходимо рассматривать с различных точек

² Ср. оценку Н. М. Карамзина: «Въ семь сочиненіи найдеть читатель, кромѣ разсужденій, прекрасныя поэтическія описанія, любопытныя завязки, интересныя положенія, чувства возвышенныя и трогательныя, обороты свободныя и натуральныя; слогъ же всегда пріятенъ и возвышенъ безъ надутости»; «Кадмъ будетъ жить съ Россіядою и Владиміромъ»; ср. также: «Рецензентъ, читая Кадма, при многихъ мѣстахъ думалъ: Это слишкомъ отзывается новизной; это противно духу тѣхъ времянь, изъ которыхъ взята басня. Однако жъ, вообразя себѣ всю трудность писать нынѣ такъ, какъ писывали древніе, столь отдаленные отъ насъ по образу жизни, по образу мыслей и чувствованій, согласился онъ самъ съ собою не почитать сихъ знаковъ новизны за несовершенство сочиненія, имѣющаго цѣль моральную» (Karamzin 1791: 82; 101; 98–99).

зрения³, и античный литературный фон — одна из них; хотя, по оценке Н. М. Карамзина, из повествования Овидия о Кадме и Гармонии (к которому отсылает название первой рассматриваемой повести) «автор наш взял, так сказать, только одну *одежду* для своего творения» (Karazin 1791: 80); тезис, который, если его экстраполировать на античные реминисценции как таковые, может быть принят только с оговорками), одежда и ее употребление заслуживают пристального внимания.

1. Античные авторы в оценке М. М. Хераскова

В «Кадме» главный герой, рассказывая о посещении парнасского оракула, не получив благоприятных предвещаний о своей собственной судьбе, выслушивает от жреца Хризония литературное пророчество, где речь идет о Гомере, Вергилии, Овидии и Фенелоне, с неожиданным предпочтением второго первому; они угадываются легко и однозначно, хотя не названы по именам: «Породится со временем друг и любимец Музъ, бѣдственную войну двухъ воюющихъ народовъ поющій; сіе пѣснословие восхититъ души внимательныхъ читателей, и будетъ до послѣднихъ вѣковъ служить изящнымъ примѣромъ важности и великаго духа всѣмъ другимъ пѣснопѣвцамъ... По истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ явится въ западной части земли... пѣснопѣвецъ Греческому верховному писателю въ вымыслахъ и важности подобный, но красотою слога можетъ быть его превосходящій. Онъ будетъ воспѣвать печальныя слѣдствія брани, нашимъ Еллинскимъ писателемъ до него живописуемой. Нѣкіе современники его изящными и знаменитыми своими твореніями сему великому мужу во славу уравниются; и единъ изъ нихъ опишетъ дивныя дѣянія Боговъ нашихъ и преображенія праведныхъ и грѣшныхъ челоуковъ; но сей сладостный пѣснопѣвецъ за его нескромность нещастіе навлечетъ на себя и изъ его отечества изгнанъ будетъ; а сіе изгнаніе подвигнетъ угнѣтенный духъ его къ новымъ сладчайшимъ твореніямъ» (Ж I, 117–118). Также без имени прославляется Лукан (II II, 320: «Музами вдохновеннаго пѣснопѣвца Фарзалия безсмертными увѣнчана лаврами»). Упоминается «важность Гезіодова» (II III, 28).

Ближе к концу повести Полидор посещает Храм Мудрости на острове Хриза (II III, 435): при этом упоминаются Гомер, Вергилий, Мильтон, Тассо, Камюэнс, Оссиан, Фенелон, Клопшток и Вольтер (как эпические песнопевцы); Пиндар, Малерб и Ломоносов как лирики; Софокл, Еврипид, Корнель, Расин и Сума-

³ Напр., идеология и антиутопия: Rostovtseva 2016, с библиографией. Массонский аспект: Limanskaya 2007, там же библиография ее прежних работ. См. также: Sakharov 2000.

роков как трагики; Менандр, Аристофан, Мольер, Теренций и Плавт как комики; отдельно упоминается Сапфо.

Но Херасков недвусмысленно подчеркивает особую роль Овидия (*II* III, 269–271): «О! ты сладкогласный пѣснопѣвецъ, коего глава въ древнемъ Римѣ лаврами была увѣнчана, а гробъ въ чуждой землѣ кипарисами приосѣнился. О! вдохновенный музами Овидій Насонъ, коего ни вина, ни мѣсто покоя не извѣстны до нынѣ; ты въ обворожательныхъ твоихъ пѣснословіяхъ изобразилъ живою кистію дивныя преображенія отъ сотворенія міра; отъ древняго Хаоса, до времянь перваго изъ Цесарей и преселилъ сего великаго мужа во круги звѣздные, да тамо сіяя напоминаетъ смертнымъ славу знаменитыхъ его дѣяній; — дозвожь мнѣ, поборникъ Марона и Горація, дозвожь въ отдаленіи шествуя за тобою, хотя неразмѣрнымъ стопосложениемъ, собрать разсыпанные цвѣты Граціями по слѣдамъ твоимъ, да внемля сладкое бряцаніе твоей лиры, возвѣщу нѣкія преображенія тобою повѣданныя и сыномъ Кадмовымъ на островѣ Анафѣ видимыя». Потому имеетъ смыслъ именно съ него начать рассмотрение материала.

II. Овидій

«Одежда» первой херасковской повести выглядит так: «Кадмъ пошелъ во слѣдъ пророчественной Юницѣ; и прешедъ древнюю Панопу и брега быстротечныя Цефизы, достигъ необитаемой Беотіи, гдѣ Юница преклонила колѣна свои; тамо онъ соорудилъ градъ, и нарекъ его по имени благотворнаго ему Оракула Фивами» (К, I, 1–2, ср. *Met.* III, 19–24):

*iam vada Cephisi Panopesque evaserat arva:
bos stetit et tollens speciosam cornibus altis
ad caelum frontem mugitibus inpulit auras
atque ita respiciens comites sua terga sequentis
procubuit teneraque latus submitit in herba.
Cadmus agit grates...⁴*

Мы видим совпадение географических названий и некоторых подробностей; но точного цитирования нет — и тем более не может быть у Овидия данной этимологии для названия Фив, сходство между *Phoebus* и *Thebae* в латинском языке отсутствует

⁴ «Он уже миновал броды Кефиса и пашни Панопы; корова остановилась и, поднимая к небу лоб, украшенный высокими рогами, замычала и так, оглянувшись на спутников, которые следовали за ее спиной, легла и приклонила бок к нежной траве. Кадм воздает благодарность...»

не только на уровне графики, как в русском, но и на уровне фонетики.

Гармония (*К I*, 189) рассказывает о поединке Кадма со змеем: «...отчаяніе наше усугубилось, когда посланные Кадмомъ Сидоняне, для обозрѣнія страны намъ подлежащей, изшедшимъ изъ пещеры и на нихъ устремившимся дракономъ разтерзаны были. Мы увидѣли ужасное сіе чудовище, прямо на насъ идущее. Змій ревѣль и многими кругами извивался; кровавая пѣна текла изъ челюстей его; жало, яко великая стрѣла, въ гортани его вращалось; весь онъ покрытъ быть твердою чешуею... Кадмъ, отмщая смерть своихъ сопутниковъ, мгновенно изторгъ мечъ свой и устремился на чудовище. Тогда робость нѣкая вступила въ мое сердце; но вдругъ я усмотрѣла низходящее съ горнихъ нѣкое божество, имѣющее на главѣ блистательный шлемъ, въ рукахъ молніевидное копѣе, и щить, на коемъ ночная птица была изображенна. Сіе божество въ видѣ жены осѣнило Кадма щитомъ своимъ; вліяло бодрость въ душу его и внушило наставленіе, какъ поступить съ гнуснымъ дракономъ по его убіенію». Ср. *Met.* III, 26 слл. У Хераскова выживаютъ четыре мужа, у Овидія — пять; Эхион названъ у обоихъ, и у Хераскова онъ будетъ играть значительную роль.

Песнопевецъ воспеваеъ золотой векъ, опираясь, по-видимому, прежде всего на начало «Метаморфозъ» (*К I*, 27–28): «Феоръ, настроивъ свою лиру, воспѣль въ началѣ благоденствіе златаго и сребряннаго вѣка; изобразилъ миръ и тишину въ сіи священные времена царствующія; — блаженную жизнь человѣковъ, и боговъ съ ними купно бесѣдующихъ; дикихъ звѣрей, волѣ ихъ повинующихся; зло, на земли еще неизвѣстное; благо, всю вселенную услаждающее и людей жителямъ небеснымъ во благоденствіи подобныхъ. — Потомъ воспѣль преображеніе счастливыхъ сихъ вѣковъ, по злобѣ человѣковъ, въ мѣдный и желѣзный вѣкъ; живо онъ изобразилъ пагубное ихъ паденіе, зависть и грѣхъ, собственною ихъ волею въ мѣръ порожденныхъ; гордость, разумы человѣческіе затмившую; любочестіе и корыстолюбіе, войны между ими воспаляющее; сребролюбіе, души убивающее; мщеніе, кровь ближнихъ проливающее; сладострастіе плоть мертвящее; тиранство Царей, неправосудіе вельможей, развраты народа...» Далее Феоръ воспеваеъ Кадма — и здесь не обходится безъ Овидія. Но и здесь, при текстуальной близости, мы видим проникновение чужеродныхъ античному эпичу категорий христіанской морали.

Похищеніе Европы также можно отнести къ «одежде» (*К I*, 107): «Младый волѣ остановился и взиралъ на насъ умильными очами, кои разительнаго огня исполнены казались; видѣ его, юность, статность тѣла, а паче новостъ сего явленія, заставили меня небоязненно къ нему подступивъ возложить на него мою руку; сестра моя отважилась гладить тучный хребетъ его; она

дланію своею водила по кудрявой и сребристой волнѣ чела его; увязала его выю цѣпями изъ цвѣтовъ соплетенными; украсила его рога вѣнцемъ, ею изготовленнымъ. Телець, обращая главу свою, лизаль ея руку. Сими ласкательными знаками уловляемая сестра моя пожелала возсѣсть на сего тельца ее ласкающаго; она требовала на то моего согласія; юный воль, внимающій ея слову, тотчасъ преклонилъ свои колѣни, и лобызая ея ноги, казалось молилъ Европу, дабы на него возсѣла; увы несчастный! я самъ способствовалъ сестрѣ моей возсѣсть на хребтѣ сего звѣря. Но зналь ли я, кто въ видѣ вола намъ являлся! Сѣдящая на хребтѣ его Европа держалась одною рукою за золотые его рога, а другую за возложенныя ею на его шею цѣпи...» Ср. *Met.* II, 857–869:

nullae in fronte minae, nec formidabile lumen:
 pacem vultus habet. miratur Agenore nata,
 quod tam formosus, quod proelia nulla minetur;
 sed quamvis mitem metuit contingere primo,
 mox adit et flores ad candida porrigit ora.
 gaudet amans et, dum veniat sperata voluptas,
 oscula dat manibus; vix iam, vix cetera differt;
 et nunc adludit viridique exsultat in herba,
 nunc latus in fulvis niveum deponit harenis;
 paulatimque metu dempto modo pectora praebet
 virginea plaudenda manu, modo cornua sertis
 inpedienda novis; ausa est quoque regia virgo
 nescia, quem premeret, tergo considerare tauri...⁵

Важное отличие — у Хераскова присутствует (и описывает потом происходящее) Кадм, которого нет у Овидия. Впрочем, превращение Кадма и Гармонии в змей в другой повести толкуется как «нелѣпный слухъ» (*II* I, 20–21). Что же касается «Кадма и Гармонии», там еще раз упоминаются овидиевские сюжеты, примыкающие к истории Кадма (*K* I, 130) — Оцирия, превращающаяся в коня, и Хирон (*Met.* II, 636 слл.). Гармония, не

⁵ «Лоб совершенно не грозный, и око не устрашает: морда мирная. Дочь Агенора удивляется его превосходной красоте и отсутствию исходящей от него угрозы; но, при всей его кротости, сначала боится к нему прикоснуться, но скоро подходит и протягивает цветы к белой морде. Влюбленный радуется и, ради вожделенных удовольствий, целует руки, — ему трудно, очень трудно отложить все прочее. И то он заигрывает с ней и скачет по зеленой траве, то ложится белоснежным боком на рыжий песок; потихоньку — страх ушел — подставляет грудь, чтобы девушка похлопала ее рукой, то рога, чтоб она надела на них новые венки; и царская дочь отважилась, не зная, на кого садится, сесть на спину быка».

желающая расстаться с Кадмом, который хочет идти в опасный путь без нее (*К* II, 250–251), восходит к Алкионе (*Met.* XI, 439–443). Полидор (*II* I, 34) сравнивается с Нарциссом. В *II* II, 10 присутствует сравнение с Филемоном и Бавкидой. Ближе к концу романа (*II* III, 313–314) есть еще одно упоминание Ликаона и Филемона с Бавкидой как примеров нечестия и благочестия.

В *II* II, 86 в контексте подробного рассказа о похищении Прозерпины и мести Цереры дается в примечании прямая ссылка на VII кн. «Метаморфоз» (ошибочная, речь должна идти о V книге). Структурные элементы овидиева повествования воспроизводятся: Цияна — ничего не может ей сказать (88), но Аретуза рассказывает о похищении (90). Здесь, как и в случае с похищением Европы, можно было бы цитировать оба произведения *in extenso*. На с. 106 овидиевский Линк превращается в Линцея. В *II* III, 115 также дается примечание к следующему: «но Полидоръ удивлень былъ, преходя семь ступеней порфирныхъ: онъ, будучи попираемы ногами, произнесли звукъ, жалостному стону подобный» («Овидій во превращеніяхъ».) По-видимому, имеется в виду *Met.* I, 708 (*sonum tenuem similemque querenti*). Такое же примечание дается и к рассказу о гранатовых зернах Прозерпины (*II* III, 218 «отъ сего плода сама Прозерпина вкусила семь зернь и лишилась права на небеса восходить и посѣщать безсмертныхъ боговъ селенія», ср. *Met.* V, 530 sqq.). Херасков упоминает зеленые волосы морских нимф (*II* III, 162): «Найяды зрѣлись сѣдящи на цвѣтущихъ берегахъ покоящимися; зеленые ихъ власы влюбленные въ нихъ Зефиры легкими крылами осушали...» (ср. *Met.* II, 12; V, 575).

Для Хераскова чрезвычайно важна концепция превращения, которая у него христианизируется (насколько это возможно при мифологическом фоне «Полидора») и уходит далеко от римского поэта. Ее излагает Триптолем (*II* III, 271 слл.): «видишь ли сїи двѣ кремнистыя скалы... то суть несчастные супруги, Гемихъ Царь Фракійскій и Родопа, преображенныя въ сїи безчувственные камни за безразсудную гордость, царствующею здѣсь Нимфою имъ внушенную: они дерзнули Юпитеромъ и Юноною имяноваться. Въ память учиненнаго имъ (sic!) злодѣянїя, Нимфа перенесла ихъ на сей островъ. Воззри на сїихъ черныхъ врановъ непрестанно другъ съ другомъ бїющихся и воздухъ крикомъ наполняющихъ; сїи суть два брата, отъ единыхъ утробы во изобильной Сициліи порожденныя, Тефаль и Дегонъ: они послѣ отца ихъ приобрѣли великое имущество — но каждый изъ нихъ разженъ сребролюбіемъ, не хотѣлъ уступить другому законной части; любя паче золото, нежели

своего ближняго, другъ друга они умертвили и превращены во врановъ прелетѣли на сей островъ; злобная Нимфа битвою ихъ услаждается; — въ семь утломъ кедрѣ, подь образомъ дикой совы сокрывается отъ дневнаго свѣта безстыдная Никтимена, позорнымъ пламенемъ любви къ отцу ея разженная; она обитала на семь островѣ, и дочь роскошами пресыщенная, родителя соблазнять дерзнула. Сей лавръ сокрываетъ Дафну, дочь Пенѣву, отъ бога Музъ убѣгшую и сладкогласіе лиры Апполоновой (sic!) пренебрегшую; возри на сей сребровидный цвѣтокъ у прозрачнаго источника, со берега къ воднымъ струямъ поникшій; се Нарцисъ самъ собою плѣненный и любовію нимфы Эхо презирающій; подь именемъ Теандры здѣшня Нимфа уловила его собственными его прелестями и единственно къ самой себѣ ихъ обратила. — Тамо летаютъ дщери Менѣвы во гнусныхъ Нетопырей обращенныя за превозношеніе ихъ предъ богинею Минервою во тканіи льна и тонкой пряжѣ. Тысящи преображеній очамъ твоимъ здѣсь предлежать, кои отъ развратовъ на семь островѣ содѣлались и чловѣковъ погубили...

Мидасъ Царь Фригійскій, возжелалъ да все то превращается во золото до чего онъ коснется — боги исполнили корыстолюбивое его желаніе, и Мидасъ гладомъ източенный низвергся во глубину рѣки Пактола, до нынѣ златымъ пескомъ изобилующей. — Внемли жалостный голосъ печальной Филомеллы, отъ ревности сестры своей Прогны погибшей, непрестаннымъ стономъ плачевный рокъ свой возвѣщающей. — Зри слезы сестръ Фаэтонтовыхъ, въ янтарь превращенныя. Се источникъ Марсіа, который изъ слезъ его составился, когда сынъ Латонинъ снялъ кожу съ него за гордое предъ нимъ превозношеніе въ искусномъ бряцаніи на лирѣ; се казнь, долженствующая ужасать гордыхъ и самолюбивыхъ писателей!»⁶ (далѣе упоминается Навуходоносоръ). В духе Овидія и превращение Ликаста в терновый куст (*II* *III*, 264). Затем следует (вслед за двойным убийством) двойная метаморфоза Пальмена и Мемы и их отцов — также во вкусѣ Овидія; вражда родителей и гибель возлюбленных напоминают сюжет с Пирамом и Тисбой, но сходство достаточно отдаленное. Возлюбленные превращены в

⁶ Гем и Родопа — *Met.* VI, 87–89, природа искажения имени непонятна; Никтимена — II, 590–596; Дафна — I, 452–567; Нарцисс — III, 402–510; дочери Миния — IV, 1–54; Мидас — XI, 85–145; Прокна и Филомела — VI, 412–674; Гелиады — II, 340–366; Марсий — VI, 382–400. Автор не располагает версией, объясняющей присутствие в этом списке Тефала и Дегона.

пальмовые деревья, их отцы — в хищных птиц (290). Отметим свежесть и оригинальность трактовки мифа о Марсии.

Далее (297–298) спутники Полидора, предавшиеся роскоши, превращены в тростник. Здесь Овидий пересекается с Гомером. Последний штрих для понимания превращения дает нимфа Теандра, царица добродетельного и блаженного острова Хризы, где Полидор должен получить ответы на свои вопросы и упования (*II* III, 447–448): «дивно ли, что Нимфа человекъвъ во птицъ, во звѣрей и въ неодушевленные вещи преображаетъ? Полидоръ! человекъ, въ незаконныя распутства погруженный и здраваго разсудка чуждый, не подобится ли скоту несмысленному?.. и чудно ли, что видь древесъ и камней они приемятъ?».

III. Остальные античные авторы

Второе место занимает Вергилий. В *К* II, 133 упоминается золотая ветвь, отгоняющая гарпий, — по-видимому, контаминация мотивов *Aen.* III и VI. Гибель скифского царя Азуфа, враждебного славянам, перекликается с концом Дидоны (*К* II, 311–312): «Подлый льстець! отвѣчалъ съ гордостію Азуфъ, ты мнѣ то отдаешь, что принадлежитъ мнѣ законно! и то отъемлешь у меня, что есть мое по естеству и по моей крови; не хочу съ вами ни мира ни родственнаго союза; вѣчную ненависть вамъ возвѣщаю» (ср. *Aen.* IV, 622–624). Самоубийство Дидоны воспроизводится в следующей повести (*II* I, 235 слл.): царица Осфира, узнав, что ее возлюбленный Тагет бежал на корабле с соперницей Олинтой, бросается в море.

Херасков перенес Аверн из Италии поближе к оракулу Додоны, но при его описании используются вергилиевские детали (*II* I, 304): «Мы близко шествуемъ Аверна, сказалъ Ликандръ; въ сей мрачной долинь, къ полуночи лежащей, протекаетъ черноводная рѣка сія; она убійственныя пары раждаетъ... ни которая тварь не можетъ приблизиться къ адскимъ симъ источникамъ; птицы прелетать ихъ не дерзають» (ср. *Aen.* VI, 239–241):

quam super haud ullae poterant impune volantes
tendere iter pinnis: talis sese halitus atris
faucibus effundens super ad convexa ferebat...⁷

⁷ «Над этой [пещерой] безнаказанно никакая птица не могла совершить путь на крыльях; такой воздух, разливаясь из черного зева, доходил до небесных сводов...».

Есть отсылка к Эолову царству ветров (*II* III, 12): «тамо, яко въ пещерѣ Эоловой, гдѣ заключенные вѣтры, сыны его, непрестанно другъ съ другомъ борятся и неумолкный шумъ производять» (ср. *Aen.* I, 52 sqq.). В одном месте (*K* I, 10) «но я видѣла, увы! я видѣла отца моего во крови плавающего, ближнихъ и гражданъ моихъ въ тяжкій плѣнь повлеченныхъ, и всѣ наши сокровища расхищенными» гомеровское и вергилиевское влияния пересекаются (ср. *II.* VI, 414 sqq., *Aen.* II, 550 sqq.).

Текстуальных переключек с Гомером меньше, чем с Вергилием, но, в отличие от последнего, они играют концептуальную роль, особенно во второй повести: для Хераскова очень важна идея путешествия (заимствованная из «Одиссеи» и прямо, и через посредство Фенелона)⁸. «Орзанъ странствовалъ въ его юности по землямъ отдаленнымъ, испыталъ нравы и законы чуждыхъ народовъ, и что паче послужило къ его благу, испыталъ многія злключенія» (*II* I, 290) указывает на прямую связь с началом «Одиссеи». Иные детали имеют чисто декоративное значение (*II* I, 185). «Подаль я совѣтъ пригласить... Царя Тагета, владѣющаго

⁸ Возможно, на Хераскова повлияла интерпретация замысла «Одиссеи», данная видным теоретиком эпической поэмы Рене ле Боссю: «“Одиссея” не создана, как “Илиада”, чтобы наставить все греческие государства, объединенные в единое конфедеративное тело, но для каждого государства по отдельности. Государство состоит из двух частей. Первая — голова, которая руководит; повинующиеся ей члены составляют вторую. Нужны наставления для главы, нужны и для подданных, первому — чтобы приказывать, вторым — чтобы повиноваться. Правителю нужны две добродетели, благоразумие, чтобы распоряжаться, и забота об исполнении отданных распоряжений. Благоразумие политика приобретается только долгим обращением во всякого рода делах и познанием различных видов правительств и государств. Забота об исполнении не позволяет отдавшему распоряжение полагаться на других, она требует его присутствия; и цари, которые удаляются от своих государств, подвергаются опасности погубить их и дают повод для великих беспорядков. Эти две точки зрения легко объединить в одном лице. Царь вне собственной страны обретается при дворах многих государей, где он изучает нравы различных наций. Отсюда естественным путем возникает множество случаев, опасностей и весьма полезных для политического наставления встреч...» (Bossu 1708: 56–57). На Боссю во многом ориентируется Рэмси (Ramsey 1756), посвятивший эссе прославлению фенелонова романа как первоклассного эпического произведения и в свою очередь сильно повлиявший на В. К. Третьяковского как автора стихотворного переложения Фенелона.

изобильными островами Раидскими, рождающими коней от вѣтровъ бурныхъ» — возможная аллюзия *Il.* XX, 219 sqq. (кони Эрихтонія, рожденные отъ Борея). Ср. также *Il.* III, 188, «Можетъ быть имѣлъ ты отца, лѣтами мнѣ подобнаго и надъ мою старостію умиллся», и *Il.* XXIV, 486–487 (при совершенно ином контексте):

μνήσαι πατρός σοῖο θεοῖς ἐπιείκελ' Ἀχιλλεῦ,
τηλίκου ὡς περ ἐγών, ὅλοῦ ἐπὶ γήραος οὐδῶ⁹.

Хераскову нравится горацианский образ «части» (*carm.* III, 30, 6) или «половины» (*carm.* I, 3, 8) души; ср. *K* I, 33: «увы! я пиршествую, а чада и друзья мои гибнуть! се половина всего меня исчезла!»; *Il.* I, 40–41: «О! родитель мой, ты не весь меня покинул — ты оставил мнѣ наилучшую часть самага тебя — оставил... твою мудрость!» Используется и образ корабля-государства, *Il.* I, 254–255: «Носимый корабль бурными волнами без мачты и без кормщика не достигнетъ спокойно пристанища, и наконецъ о скалы и мѣли сокрушится; таковой жребій отечеству нашему предлежитъ». Но здесь, разумеется, можетъ быть не только горацианский источник.

Обратимся к прозе. Описывая Атлантиду («Атлантичскіе острова»), Херасков прямо ссылается на Платона (*Il.* I, 160). Но, в отличие от описания в «Критии», херасковская Атлантида страдает не из-за развращения правителей, а из-за развращения народа. Она представляет собой непосредственную реакцию на французские революционные события. Платоновское влияние на политические воззрения Хераскова весьма вероятно (при полной невозможности прямого заимствования и последовательной солидарности); но это тема отдельного исследования.

По-видимому, привлекается цицероновский трактат «О дружбе». Об этом можно с некоторой вероятностью заключить по текстуальным параллелям (*Il.* II, 217–218): «Другъ есть усугубление бытія нашего; въ немъ самихъ себя, яко въ зеркалѣ мы видимъ» (ср. *Cic. Lael.* VII, 23: «Но кто вглядывается в друга, вглядывается как бы в образчик самого себя»; «...меньше съ другомъ въ несчастіи бѣдствуемъ — и паче во благоденствіи утѣшаемся» (VI, 22: «Каков был бы толк от счастливых обстоятельств, если б ты не имел того, кто радовался бы им наравне с тобой? трудно было бы перенести и несчастливые без того, кто их переносил бы тяжелее,

⁹ «Вспомни о своем отце, подобный богам Ахиллес, в том же возрасте, в каком теперь я, на гибельном пороге старости».

чем ты сам»); «Между развратными человекѣками дружба существовать не можетъ» (V, 12; XVIII, 65: дружба возможна только между честными людьми).

Наконец, самый важный античный прозаический фрагмент, использованный Херасковым, — весьма точно процитированный отрывок из «Метаморфоз» Апулея (*К* II, 217–218, приведем с предшествующим фрагментом): «Многіе подѣ именемъ Изисы разумѣють всю Натуру; но мы обожаемъ, отвѣчаль Діафанъ, въ лицѣ Изисы не кумира, не ликъ сего истукана, и не орудія или его одежды; мы подразумѣваемъ божество непостижимое; се есть токмо единая буква, чтомая нами ради непрестаннаго напаятованія, что нѣтъ во всей вселенной, нѣтъ ни малѣйшія точки, гдѣ бы зиждительное божество всецѣло не присутствовало; не было времянь, когда бы оно не сіяло; не есть и не будетъ мгновенія, когда бы оно существовать престало. Оно есть сердце, оно душа вѣчности, источникъ и корень времянь и твореній. — Словомъ се есть жизнь всемірная! — Се есть духъ самобытствующій, непостижимый и неизглаголаный. Мы сквозь кумира мысленно взираемъ на божество неисповѣдимое, на дѣятельность и на всемогущество существа невидимаго; а простой народъ, останавливаясь при сихъ кумира украшеніяхъ, при его образѣ, при изображеннѣхъ орудіяхъ обожаетъ простой истуканъ токмо, и заемлется единими внѣшними обрядами и чиноположеніями.

Вѣдай, Кадмъ, что Изисъ подѣ разными наименованіями едва не всѣми народами нынѣ почитаема есть. Фригійцы нарицають ее матерію всѣхъ боговъ, Аѣинейцы Минервою, Кипряне Афродитою Пафосскою, Критяне Діанною, Сицилійцы Прозерпиною, Елевзяне Церерою, одни Юоною, другіе Гекатою Рамузіею; но Египтяне справедливе всѣхъ Изисою ее имянують»¹⁰. Эта цитата связана с пребыванием Кадма в Египте.

¹⁰ В переводе Ермила Кострова этот отрывок из «Метаморфоз» звучит так: «я едино во всемъ мірѣ божество, но въ разномъ видѣ, подѣ различными названіями, и разными обрядами чтить меня вселенная. Фригійяне древнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ нарицають меня матерью боговъ и Пессинунтійскою богинею; Аѣиняне Цекропскою Минервою; жители острова Кипра Пафоской Венерою, Критяне искусные стрѣль метатели Діанною Диктинною; и Сициліяне, говорящіе тремя языками, именуютъ меня Стикскою Прозерпиною; Элевзинскіе жители древнею богинею Церерою; иные именуютъ меня Юоною, другіе Беллоною, иные Гекатою, другіе Рамнузіскою Немезисою; но

Итак, важнейшим античным автором для поздней прозы Хераскова оказывается Овидий. Он дает мифологический фон для «Кадма и Гармонии» и философский для «Полидора» (при значительных отклонениях от образца и в том, и в другом случае). Крупнейшие эпики Греции и Рима — Гомер и Вергилий — также используются, но лишь локально. Античная проза менее важна, чем поэзия — это можно рассматривать как следствие «казуса Фенелона», реализовавшего возможность создания эпоса в прозе.

Литература

- Apulej, L. 1871. *Lutsiya Apuleya platonicheskoj sekty filosofa Prevrashchenie, ili Zolotoj Osel*. Perevel Ermil Kostrov [*Lucius Apuleius of the Platonic sect, the philosopher. Metamorphosis, or The Golden Ass*. Translated by Ermil Kostrov. Part II. Moscow: At the University Press of N. Novikov, 1781.] Р. П. М.: V Universitetskij Tipografii u N. Novikova.
Луція Апулея платонической секты философа Превращение, или Золотой Осель. Перевель... Ермиль Костровъ. Ч. II. М.: Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1781 года.
- Karamzin, N. M. 1791. *Kadm i Garmoniya, drevnee povestvovanie, v dvukh chastyakh*. М.: V Universitetskij Tipografii, 1789 [*Kadmus and Harmonia, an ancient narrative, in two parts*. Moscow, at the University Press, 1789. Moscow Journal. 1791. January, 80–101]. Moskovskij Zhurnal. 1791. Yanvar'.
- [Карамзин Н. М.] *Кадм и Гармония, древнее повествование, в двух частях*. Москва, в Университетской типографии, 1789. *Московский журнал*. 1791. Январь, 80–101.
- Kheraskov, M. M. 1789: *Kadm i Garmoniya, drevnee povestvovanie* [Kheraskov M. M. *Cadmus and Harmonia, an ancient tale*. Part I–II. Moscow: At the University Typography, at N. Novikov's]
 Херасков, М. М. 1789: *Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе*. Ч. I–II. М.: Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова. 1789.
- Kheraskov M. M. 1794: *Polidor, syn Kadma i Garmonii*. [Kheraskov M. M. *Polydorus, son of Cadmus and Harmonia*. Part I–III. Moscow: In the Printing House of I. Zelennikov.]
 Херасков, М. М. *Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*. Ч. I–III. М.: Въ Типографіи И. Зеленникова. 1794.

Еѳіопы озаряемые всегда первыми восходящаго солнца лучами, притомъ Арійскіе народы, и Египтяне, древнѣйшіе мудрецы во всемъ свѣтѣ, нарицають меня точнымъ и собственнымъ моимъ именемъ, то есть богинею Изисою» (Апулей 1781: 299–301).

- Le Bossu, R. 1708: *Traité du poëme épique*. Par le R. P. Le Bossu, Chanoine Regulier de Sainte Geneviève. Nouv. Ed. revûë & corrigée. Paris: J.-G. Nyon. 1708.
- Limanskaya, Yu. S. 2007. *Proizvedeniya M. M. Kheraskova "Zolotoj prut" i "Kadm i Garmoniya" v kontekste masonskoj prozy poslednej chetverti XVIII veka*. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Surgut. [Yu. S. Limanskaya. The Works of M. M. Kheraskov *Golden Rod* and *Cadmus and Harmonia* in the Context of Masonic Prose of the Last Quarter of the 18th Century. Candidate of Sciences Dissertation. Surgut: 2007.]
Лиманская Ю. С. *Произведения М. М. Хераскова «Золотой прут» и «Кадм и Гармония» в контексте масонской прозы последней четверти XVIII века*. Дисс. канд. наук. Surgut: 2007.
- Ramsey A.-M. Discours de la poésie épique, et de l'excellence du poëme de Télémaque // Les Avantures de Télémaque, fils d'Ulysse, par Messire François Salignac de La Mothe-Fénelon, Précepteur des Enfants de France... Nouvelle édition, revuë, corrigée... Dublin: P. Wilson. MDCCLVI. P. I–XXXI.
- Rostovtseva, Yu. A. 2016: Literaturnaya utopiya M. M. Kheraskova "Polidor, syn Kadma i Garmonii": mezhdru gosudarstvennoj ideologiej i panegiricheskoj traditsiej. In: Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Zhurnal nauchnykh publikatsij. N 1, 164–170. [M. M. Kheraskov's *Polydor, Son of Cadmus and Harmonia*: Between State Ideology and Panegyric Tradition. In: *Current Issues in Humanities and Natural Sciences. Journal of Scientific Publications*. No. 1, 2016, 164–170.]
- Ростовцева, Ю. А. 2016: Литературная утопия М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии»: между государственной идеологией и панегирической традицией. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций*. № 1, 2016, 164–170.
- Sakharov, V. I. 2000: *Masonskaya prosa: istoriya, poetika, teoriya. Masonstvo i russkaya literatura XVIII–nachala XIX vv.* [Sakharov V. I. *Masonic Prose: History, Poetics, Theory. Freemasonry and Russian Literature of the 18th to early 19th centuries*. Ed. V. I. Sakharov. Moscow: URSS. 2000. P. 193–220.]
- Сахаров, В. И. 2000: *Масонская проза: история, поэтика, теория. Масонство и русская литература XVIII — начала XIX вв.* Отв. ред. В. И. Сахаров. М.: УРСС. 2000. С. 193–220.